



# ПРЕПОДАВАНИЕ В КРИЗИСЕ

*Вадим Радаев*

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ»



Библиотека журнала «Вопросы образования»

Вадим Радаев

# **Преподавание в кризисе**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2022

УДК 378.147  
ББК 74.48

**Радаев В. В.**

Преподавание в кризисе / В. В. Радаев — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2022 — (Библиотека журнала «Вопросы образования»)

ISBN 978-5-7598-2451-0

С приходом в университет новых поколений студентов преподавание оказалось в серьезном кризисе, который лишь усугубился в период пандемии коронавируса. Что именно пошло не так? В книге разбираются многочисленные основания возникшего кризисного состояния и формулируются общие принципы, на которые могли бы опереться нынешние преподаватели. Автором также предлагается ряд практических советов из накопленного личного опыта и обсуждается вопрос о том, зачем вообще нужно преподавать. В формате PDF A4 сохранён издательский макет.

УДК 378.147  
ББК 74.48

ISBN 978-5-7598-2451-0

© Радаев В. В., 2022  
© Высшая Школа Экономики  
(ВШЭ), 2022

# Содержание

Предисловие	6
1. Предпосылки кризиса: приход новых поколений студентов	11
Два социальных перелома	11
Новые взрослые	12
Новая формула воспитания	13
Смартфон как продолжение руки	14
Прогрессирующий индивидуализм	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

# **Вадим Радаев**

## **Преподавание в кризисе**

*Редакционный совет серии*

Е.А. СУХАНОВА, к. пед.н., доцент, директор Института образования Томского государственного университета;

Е.А. ТЕРЕНТЬЕВ, к.с.н., директор Института образования, старший научный сотрудник Центра социологии высшего образования НИУ ВШЭ

© Радаев В.В., 2022

## Предисловие

В течение многих лет как минимум раз в неделю я захожу в аудиторию в качестве университетского преподавателя. В последнее время это частенько происходило онлайн, и физически в аудиторию, к моему большому сожалению, входить не приходилось, но регулярная преподавательская практика никогда не прекращалась.

В итоге систематически я преподаю уже более 40 лет. Впервые начал вести семинары еще на втором курсе университета в экономико-математической школе МГУ им. М.В. Ломоносова, когда мои подопечные (старшеклассники) были моложе меня лишь на 2–3 года. На первом году аспирантуры в знак «особого доверия» получил уже полноценный лекционный курс с приемом итоговых экзаменов. Это был рабфак, подготовительное отделение для поступающих с трудовым или армейским стажем, где студенты тоже не сильно отличались от меня по возрасту.

С тех пор я преподавал постоянно, при условии, что находился в Москве, не пропуская ни одного семестра, хотя давно уже мог бы этого не делать. И на первый взгляд, все идет благополучно, я и сейчас комфортно чувствую себя в аудитории и вроде бы считаюсь успешным педагогом. За 11 лет меня девять раз выбирали «Лучшим преподавателем» студенты или выпускники департамента социологии, где я читаю лекции и веду семинары. Добавлю, что в нашем университете прекрасные студенты. И, казалось бы, что еще надо? Однако в какой-то момент (примерно в середине 2010-х годов) я почувствовал: «что-то пошло не так». С годами это поначалу смутное ощущение укреплялось. И общение с коллегами его только усиливало.

Какие-то сомнения в том, что ты делаешь, появлялись и раньше. И каждый год перед началом очередного курса я, как правило, что-то в нем переделывал, вносил какие-то коррективы – менял организацию курса, формы подачи и обсуждения материала, вводил новые темы. Всегда хочется какие-то вещи улучшить, и в этом нет ничего удивительного. Но в определенный момент возникло понимание некоего перелома, сначала не очень различного, а затем все более ясного. Конечно, с годами неуклонно увеличивалась возрастная дистанция со студентами, уходя все дальше от былой двух-трехлетней разницы. Но дело было явно не только в возрасте как таковом, а в том, что пришли новые поколения студентов, молодых миллениалов, а за ними зумеров, которые оказались *другими*, разительно отличаясь от своих чуть более старших предшественников. Возникло интуитивное ощущение, что их жизнь устроена иначе, что их интересы шире и неопределеннее, чем мы привыкли, что они хотят всего и сразу, причем хотят этого в готовом и упакованном виде – с инструкцией по применению. Они ожидают быстрых эффектов, не обязательно материальных, но материальных желательно тоже. Их пристрастия меняются чаще, чем мы бы хотели. В общем, я обнаружил, что все меньше понимаю мотивацию студентов (причем лучших студентов). А если ты не понимаешь мотивацию контрагента, ты не понимаешь главного. И возникает неприятный вопрос: как в этом случае преподавать?

Мои попытки понять это молодое поколение привели к написанию книги о миллениалах, которая нашла широкий отклик, как восторженный, так и критический [Радаев, 2020a]. Я почувствовал, что не я один столкнулся с новыми проблемами. А пока мы пытались разобраться с поведением и мотивацией миллениалов, в университет начало вливаться новое, еще более молодое поколение Z, которое сначала по аналогии называли центиниалами, а вскоре упростили до «зумеров». Но как их ни называй, проблемы, похоже, усиливаются.

Полагаю, что проблемы преподавания, с которыми мучаются сегодня многие коллеги в самых разных дисциплинах, при всей своей очевидности и важности постоянно остаются на периферии нашего внимания. Мы весьма активно обсуждаем результаты своих исследований, получая от коллег ценную обратную связь. И даже при недостатке таких обсуждений более или менее известно, чем занимается каждый из нас в своей научной области. Наши публикации

доступны всем желающим, эта часть нашей профессиональной деятельности хорошо видна и вдобавок фиксируется разными наукометрическими показателями.

Преподавание же как таковое обсуждается значительно реже, если речь не идет об узком круге специалистов по образовательным методикам. На преподавание в исследовательском университете, что греха таить, нередко смотрят как на вторичный вид деятельности. И главное, что именно происходит у коллег-преподавателей в аудитории, мы, как правило, не видим и знаем лишь понаслышке – большей частью от студентов. Отклики студентов несомненно важны, но желательно ведь иметь и собственные впечатления. Практика взаимного посещения занятий преподавателями (очень полезная для всех вовлеченных сторон), по сути, маргинализирована и встречается редко [Кочухова, 2020]. И в целом тесные взаимодействия между коллегами по поводу преподавания, как правило, не возникают, если только они не ведут одну дисциплину в параллельных группах. На такие взаимодействия уже не остается ни времени, ни сил. Правда, сейчас многие занятия проходят онлайн и записываются. Но часто ли мы тратим время на их просмотр? Вопрос почти риторический. В результате каждый преподаватель во многом «варится в собственном соку» и корректирует свои действия лишь по реакциям студентов, которые порой могут быть односторонними и разными по степени объективности. Студенты, при всей своей активности, скажут тебе далеко не все. Они многого пока не знают и к тому же находятся в определенной зависимости от преподавателя.

Периодически доносятся жалобы на действия тех или иных преподавателей, возникают коридорные обсуждения между коллегами. Но в целом каждый преподаватель во многом сам решает свои проблемы и вырабатывает собственные приемы, не всегда зная, что происходит по соседству. Можно десятки лет проработать на одном факультете и не знать манеру преподавания друг друга. С годами все к этому привыкают, и приход коллеги на занятия начинает восприниматься как «вторжение» в твою личную вотчину.

Несмотря на множество административных правил и ограничений, которыми обставлен учебный процесс и на которые преподаватели с удовольствием жалуются, по сути, в аудитории преподаватель предельно автономен и неподнадзорен. И наряду с очевидными плюсами этой академической свободы ты лишаешься столь важной внешней профессиональной оценки, пусть даже критической, которая помогла бы тебе быстро избавиться от очевидных для другого профессионала мелких просчетов или даже крупных ошибок.

Вдобавок преподаватели включены в непрерывный поток занятий, и при большой загруженности зачастую просто не остается времени, чтобы остановиться и подумать. Конечно, твоим зеркалом остаются студенты, и само по себе это хорошо, но зеркало может быть замутненным, нечетким. Ты можешь также посмотреть для сравнения рейтинги, выстраиваемые на основе студенческой оценки преподавания (если она проводится, как в Высшей школе экономики), но рейтинги тоже не идеальны. Оценки студентов подобны измерению температуры – знать ее очень важно, и по ней можно уловить появление каких-то недугов, но без дополнительной информации затруднительно поставить определенный диагноз. А если температура нормальная, из этого тоже ведь автоматически не следует, что все благополучно. И в полной мере оценить уровень твоего преподавания (аналогично уровню исследований) могут только профессионалы, то есть твои коллеги. А они как раз твоих опытов вживую не видят.

Обсуждение образовательных проблем в медиа, включая онлайн-медиа, тоже дает не слишком много. За исключением узких элитных сегментов, оно в целом склонно к упрощению и популизму, тиражируя поверхностные представления вместо профессиональной экспертизы [Кирия, 2020]. Отчасти поэтому мы пропустили накопление множества проблем, о которых пойдет далее речь, или обратили на них внимание только лишь, когда грянула пандемия.

Между тем для начала нам крайне важно осознать и каталогизировать проблемы, возникшие в современном преподавании, которые, полагаю, во многом у нас общие, изучать чужие практики (успешные и провальные), извлекая для себя полезные уроки. Оговоримся, что далее

речь пойдет не о кризисе образовательных систем или управления образованием. Мы сконцентрируемся на преподавании как таковом и будем говорить о проблемах, с которыми сталкиваются каждодневно преподаватели, – в аудитории и перед экранами.

О преподавательских стрессах, разумеется, неоднократно писали и ранее. Но речь, как правило, шла о более традиционных и давних вещах – о чрезмерной учебной нагрузке, повышенных требованиях к академической продуктивности, неравномерном распределении административного бремени, размывании границ между рабочим и внерабочим временем [Абрамов, Груздев, Терентьев, 2017; 2019]. Добавим к ним еще почти непереносимые жалобы на недостаточную оплату труда и обилие бюрократических процедур. Эти проблемы никуда не исчезли, но мы будем говорить о другом. Во-первых, кризис в преподавании, о котором пойдет далее речь, вызван относительно недавними (по историческим меркам) изменениями, поэтому традиционными факторами стресса его не опишешь. И, во-вторых, более важно, описываемый мною кризис лежит прежде всего не в плоскости отношений между преподавателями и администрацией университета, а в плоскости отношений между преподавателями и студентами, которые до сегодняшнего дня не часто попадали в зону пристального рассмотрения, оставаясь в тени многочисленных структурных и институциональных реформ, которыми столь богата университетская жизнь в последние годы. Нет смысла спорить о том, что изменения среды – внутри и вне университета – оказывают важное влияние на все происходящее и заслуживают отдельных обсуждений. Но именно отношения между преподавателями и студентами образуют основной предмет данной книги<sup>1</sup>.

Добавлю, что мы зачастую по инерции обращаем больше внимания на текущие трудности – вроде нарастающих и раздражающих бюрократических формальностей, не замечая более глубоких движений, пока волна не дойдет до нас непосредственно и не захлестнет с головой. Тогда многие из прежних проблем покажутся нам мелкой рябью на воде.

В последние пару лет мне не раз приходилось выступать публично с рассказами об этих относительно новых проблемах, в том числе в рамках программы Teach for HSE/Преподаем в Вышке<sup>2</sup>, и в других аудиториях. На выступления приходили сотни коллег, включая начинающих преподавателей и мэтров с обширным опытом. Впоследствии еще многие сотни коллег смотрели записи выступлений. И я чувствовал, что поставленные вопросы находят отклик, резонируя у самых разных слушателей. Это побудило меня обобщить и изложить свои рассуждения и размышления.

О чем эта небольшая книга? Мы начнем с характеристики социального перелома, который был связан с приходом новых поколений студентов, не имевших опыта взрослой жизни в советское время. Этот перелом подготовил предпосылки сегодняшних трансформаций в преподавании. Плохо это или хорошо, но мы, преподаватели, за последние годы изменились не столь сильно – образовательный процесс обладает высокой инерцией, сложившиеся преподавательские приемы и привычки нередко воспроизводятся годами. И побуждающие импульсы сегодня в большей степени лежат на стороне студентов, а не преподавателей. Далее мы перейдем к ключевому вопросу – многосторонней характеристике кризиса, в котором оказалось, как мне представляется, сегодня преподавание (в привычных для нас формах), особенно в социальных и гуманитарных науках, но, по всей видимости, не только в них. Посмотрим, как накопившиеся проблемы в преподавании усугубились в период пандемии коронавируса, которая обострила кризис. А затем порассуждаем о том, что мы могли бы делать, чтобы преодолеть, хотя бы отчасти, возникшее кризисное состояние, как сформулировать, сохранить и развить общие принципы, которые должны стать для нас своеобразной опорой. Я также приведу примеры из собственного опыта, связанного с попытками совладать с нарастающими проблемами.

<sup>1</sup> Попытку начать разговор об этих проблемах см., например: [Радаев, Медведев, Талалакина, Дементьев, 2018].

<sup>2</sup> Подробнее о программе см.: <<https://foi.hse.ru/teach4hse/>>.



И напоследок предлагаю обсудить несправедливый вопрос о том, зачем вообще нужно идти к студентам, если преподавание сопряжено со столь многочисленными трудностями.

По своему жанру эта книга не является научным изданием в строгом смысле слова, скорее, это развернутое аналитическое высказывание, опирающееся и на результаты многих предшествующих исследований, и на личные размышления самого автора. В чем-то она продолжает традицию руководителей и администраторов ведущих университетов делиться своим опытом работы (см.: [Бок, 2012; Розовски, 2015; Боуэн, 2018]). Только по сравнению с упомянутыми коллегами я в большей степени буду опираться на свой преподавательский, нежели на административный, опыт.

Здесь, видимо, необходим дисклеймер – высказанные мною далее взгляды не следует воспринимать формально как позицию университета.

Поскольку книга во многих случаях опирается на личный опыт, нельзя не осознавать его принципиальную ограниченность, тем более что речь идет о работе в Высшей школе экономики – большом и динамичном университете, который привлекает поистине лучших студентов страны и многих иностранных студентов. К тому же он славится своими демократичными порядками, которые вряд ли характерны для многих других вузов. И у коллег с другим опытом многое может вызвать очевидные несогласия. Но именно в таком университете, как Высшая школа экономики, более заметно и явно пробиваются ростки проблем, которые в других университетах до поры остаются в латентном, непроявленном состоянии. Высшая школа экономики и другие ведущие университеты со всеми своими новациями получают не одни только позитивы, они первыми принимают на себя груз новых проблем, и по ситуации в этих университетах можно предвидеть, куда со временем продвинется образовательная система в целом. Поэтому в ряде важных случаев мы говорим не о типичном опыте, а о новых трендах, которые завтра могут коснуться если и не всех, то многих.

В этом смысле такие университеты, как Высшая школа экономики, выступают своего рода плацдармом для обнаружения и последующего разрешения многих проблем, неизбежно возникающих в ходе образовательного процесса, и с некоторыми элементами кризиса Вышка сталкивается первой, но явно не последней.

Переходя к благодарностям, сошлемся, что книга подготовлена в Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Мы признательны О.Э. Черненко и ее коллегам из Управления образовательных инноваций и специальных международных программ за организацию серии выступлений по проблемам преподавания в рамках программы Teach for HSE/Преподаем в Вышке. В ходе этих выступлений обсуждались темы, которые легли в основу этой книги.

Мы благодарим своих коллег, высказавших полезные замечания по рукописи данной книги, которые помогли существенно ее улучшить, в их числе прежде всего Б.А. Белявского, И.А. Груздева, З.В. Котельникову, А.А. Куракина, И.В. Макарову, И.В. Павлюткина, Д.О. Стребкова, И.С. Чирикова, А.В. Шевчука, М.М. Юдкевич, а также всех сотрудников Лаборатории экономико-социологических исследований, принявших участие в обсуждении.

Особая благодарность официальным рецензентам книги – Е.А. Сухановой и Е.А. Терентьеву.

Помимо данных из опубликованных источников, в ряде случаев мы используем первичные данные Мониторинга преподавательской и научной жизни НИУ ВШЭ, проведенного Центром внутреннего мониторинга в декабре 2021 г. Поскольку нас интересуют проблемы преподавания, отобраны ответы 809 преподавателей и преподающих научных работников. Мы благодарим Центр внутреннего мониторинга за предоставление этой базы данных.

Осталось сказать, что данная книга не является попыткой кого-то научить и тем более поучать, она выросла из простого и естественного желания поделиться собственными сомнениями и опытом, который, увы, не всегда был удачным.

\* \* \*

Книга была сдана в издательство до событий, начавшихся 24 февраля 2022 г. и существенно изменивших общую ситуацию. Возникло множество новых трудностей, но проблемы, обсуждаемые в данной книге, при этом никуда не делись.

# **1. Предпосылки кризиса: приход новых поколений студентов**

## **Два социальных перелома**

Прежде чем обратиться к самому кризису в преподавании, следует раскрыть его общие предпосылки и социальный контекст, в котором он формировался. В более ранних работах мною было выдвинуто предположение о двух социальных переломах, последовательно произошедших в России в постсоветский период. Первый перелом был связан с радикальными экономическими и политическими реформами 1980–1990-х годов, которые прошли достаточно бурно и значительно изменили внешние условия существования человека. Второй социальный перелом, напротив, произошел относительно тихо в наиболее стабильный период 2000-х годов и потому был куда менее заметным. Этот перелом был связан с изменением самого человека – появлением нового антропологического типа в результате вступления во взрослую жизнь молодого поколения, названного миллениалами, которое не имело никакого опыта сознательной (взрослой) жизни в советское время [Радаев, 2018; 2020а]. Вторым переломом мы, к сожалению, пропустили, и потому, когда порожденный им кризис как волна вследствие взрыва достиг учебной аудитории (точнее, был принесен в аудиторию новым поколением студентов), он во многом застал нас врасплох, тем более что изменения произошли хотя и не в одночасье, но по историческим меркам удивительно быстро.

Осознав в общих чертах характер второго социального перелома, я предположил, что в наше время произошла актуализация межпоколенческого анализа как способа обнаружения и социологического исследования социальных изменений [Радаев, 2018; 2020а]. И был сделан вывод о том, что именно сейчас необходимо заниматься сравнительным изучением поколений, которое становится важным инструментом для улавливания ключевых трендов. Конечно, «новые люди» не появляются из ниоткуда, не выскакивают внезапно, как черт из табакерки. Они сами становятся продуктом множественных структурных и институциональных изменений. Для нас новые поколения – это, скорее, зеркало происходящих перемен. И мы согласны с утверждением американского психолога Джин Твенге о том, что «в первую очередь культурные изменения затрагивают молодежь и только потом старшие поколения» [Твенге, 2019, с. 31]. Поэтому, изучая поведение и установки молодых людей, мы не столько изучаем молодежь как таковую, сколько пытаемся понять наиболее важные текущие и грядущие тренды в нашей повседневной жизни.

## Новые взрослые

С помощью методов межпоколенческого анализа нам удалось многое узнать о новом взрослом поколении миллениалов, родившихся во второй половине 1980-х – 1990-х годах, сравнив его с предшественниками и подтвердив общее предположение о том, что новые молодые взрослые значимо отличаются от всех старших поколений.

В частности, выяснилось, что миллениалы имеют более образованных родителей и сами более образованны, в том числе чаще владеют иностранными языками. Поскольку их родители успели в 1980-е и 1990-е годы обзавестись личным имуществом, в материальном отношении миллениалы чувствуют себя более свободно. Они откладывают важные жизненные решения, традиционно увязываемые со взрослением: образование семьи и рождение детей, отделение от родителей и выход на рынок труда. Правда, следует учитывать, что само понятие взрослости сегодня усложняется, взрослость становится более индивидуализированной, пролонгированной и нелинейной [Нартова, Фатехов, 2021; Krahn, Chai, Fang et al., 2018], но как именно она меняется, пока не очень ясно, здесь понадобятся серьезные дополнительные исследования. В любом случае сложно отрицать, что многие социально-экономические и демографические события, традиционно ассоциируемые со взрослостью, у нынешней молодежи происходят позже, чем бывало раньше [Митрофанова, 2019], когда многие подростки зачастую, напротив, отчаянно стремились побыстрее стать взрослыми и ускорить наступление событий, считавшихся маркерами взрослости.

Став первым «цифровым поколением», миллениалы, естественно, больше вовлечены в использование Интернета и современных гаджетов, цифровых технологий и социальных сетей. Для них сетевые паблики с публичными кругами общения становятся новым культурным ядром [Бойд, 2020]. Помимо этого, миллениалы более ориентированы на здоровый образ жизни и чаще занимаются физической культурой и спортом, наращивая личные инвестиции (времени, материальных ресурсов) в собственную жизнь и здоровье. Для них ведение здорового образа жизни все более становится моральной категорией, элементом политики хелсизма [Гольман, 2014]. Они снизили потребление алкоголя и курение табака, во многом обеспечив перелом сложившихся ранее повышательных трендов. Миллениалы в целом менее религиозны, но у них выше уровень субъективного благополучия, экономического оптимизма и ощущения счастья, хотя это в большей степени связано с их относительной молодостью, и с возрастом этот оптимизм, скорее всего, уменьшится.

## Новая формула воспитания

Обычно родители хотят видеть в детях свое продолжение. Но в данном случае – видимо, подспудно – родители из моего поколения хотели, чтобы дети стали другими, не такими, как мы. И, кажется, мы этого добились. Попутно возникла своеобразная формула воспитания, включающая три связанных элемента: *плотный родительский контроль + растущие инвестиции в детей + повышенные ожидания в отношении детей*. С самых ранних лет родители постоянно опекали и контролировали своих детей-миллениалов как ни в одном из предшествующих поколений, буквально нависая над ними в стиле «helicopter parenting» и не упуская их из зоны своего внимания. Инвестиции в детей всегда были характерны, по крайней мере для образованных семей, но в последний период они явно выросли, а попутно детям выставляли требования к достижению успеха.

В результате всех этих воспитательных усилий у детей формировались повышенные притязания, возникал так называемый социальный перфекционизм, порожденный ориентацией на зачастую нереальные, изначально недостижимые стандарты совершенства [Сторп, 2019]. Такого рода перфекционизм закономерно сопрягался с нарастающей боязнью неудачи, с повышенной чувствительностью ко всякой критике, с прокрастинацией (откладыванием важных решений) и незавершением начатых дел. По словам В. Губайловского, «молодые люди за все берутся, смело начинают, а потом почти ничего не заканчивают» [Губайловский, 2019, с. 167]. Поэтому последующие столкновения с реальной жизнью в период взросления нередко порождали у них фрустрации и проблемы с самооценкой<sup>3</sup>.

В реальной жизни миллениалы столкнулись с изобилием новых возможностей и необходимостью выбора в условиях нарастающей неопределенности, которой все труднее управлять психологически. Это привело к большей свободе и гибкости, но одновременно к трудностям при планировании собственного будущего с постоянными сменами ориентиров и желаемых мест приложения своих способностей, а в итоге – к разрушению линейных жизненных траекторий, которым старшие поколения были столь привержены. В итоге индивидуализм молодых поколений развивается в сочетании с неуверенностью в завтрашнем дне [Твенге, 2019, с. 357].

У миллениалов проявилось выраженное стремление работать на более демократичных рынках с низкими издержками входа (прежде всего в виртуальных средах), где можно заниматься индивидуальным творчеством без накопления экономического, социального и культурного капитала. Поэтому среди них больше фрилансеров и приверженцев слэш-карьер, связанных с совмещением нескольких видов работ и разных карьерных траекторий. Правда, на этих рынках закономерно оказалась и более высокая конкуренция.

В отличие от старших поколений, выросших в советское время, миллениалы не захотели становиться закоренелыми трудоголиками, они ищут иного – более здорового и правильного, как они считают, – баланса между трудом и жизнью, работой и семьей. Помимо самореализации в работе, миллениалы нацелены на полноценный досуг, где также пытаются самореализоваться. Отсюда проистекает важный сдвиг жизненных ориентиров – меньшая привязанность к профессиональной карьере и зарабатыванию денег как таковому, хотя от приличных заработков большинство тоже не хотело бы отказываться.

---

<sup>3</sup> Подробнее о проблемах ментального здоровья см.: Поколения и ментальное здоровье. Обсуждаем с Вадимом Радаевым. Подкаст «Все ОК». <<https://anchor.fm/15669/episodes/ep-e1d7548>>.

## Смартфон как продолжение руки

Миллениалы во все возрастающей мере поглощены использованием смартфонов и других современных гаджетов. Сегодня мы все к этому склонны в той или иной мере. Но это первое поколение, для которого смартфон стал продолжением руки. И это не могло не отразиться в том числе на том, как они учатся. На занятиях большинство из них не вылезает из смартфонов, которые используются большей частью отнюдь не в учебных целях. Исследователи Мичиганского государственного университета, которые в течение семестра отслеживали интернет-трафики группы своих студентов во время их нахождения на аудиторных занятиях, установили, что на вещи, как-то связанные с обучением в данном классе, студенты тратили в Интернете лишь девятую часть времени, проведенного онлайн [May, 2017]. И это еще студенты знали, что они являются объектом трекинга.

Непрерывное нахождение в параллельной виртуальной среде, необходимость поддержания принудительной поверхностной коммуникации со многими контрагентами сразу по множеству параллельных каналов порождают усиливающуюся раздерганность сознания, которую вполне можно назвать «болезнью XXI века» – с постоянными отвлечениями и переключениями, а в итоге с хронической неспособностью концентрироваться на чем-то одном, погружаться в том числе в учебные дела на относительно продолжительное время [Радаев, 2020a]. Возникает привычка делать по два-три дела одновременно, практикуя параллельное выполнение множественных задач (multitasking) и пытаясь всячески экономить время, находясь сразу в нескольких средах. Подобная многозадачность, помимо потери концентрации, приводит к когнитивным перегрузкам [Rubinstein, Meyer, Evans, 2001]. Все это имеет серьезные последствия для процесса обучения и в пределе может приводить к фактической неспособности чему-либо учиться всерьез.

Множественность форм коммуникации с отрывочными мыслями и суждениями превращается в источник неврозов и депрессий, частичного слома рациональности поведения, понимаемого как устойчивое следование своему интересу. Неврозы порождаются также чудовищным по объему и постоянно растущим потоком информации при отсутствии времени на ее фильтрацию и тем более на ее освоение, когда усиливается ощущение, что ты тонешь в информационном потоке. Но главная причина неврозов, на наш взгляд, кроется не в обилии информации как таковой, а в потере смысловых ориентиров, неспособности сформировать для себя общую картину мира. Не случайно именно в этом поколении выросло потребление антидепрессантов и потребность в посещении персональных психологов [Твенге, 2019, с. 150]<sup>4</sup>.

Многие из обозначенных проблем остаются скрытыми от внешних глаз, по крайней мере до поры. На поверхности мы видим поведение в социальных сетях, которое в сильной степени регулируется стратегиями селф-брендинга, или создания улучшенной версии собственного бытования. Большинство пользователей социальных сетей занимаются здесь «перфекционистской демонстрацией», то есть старательно изображают из себя счастливых, живущих интересной и полноценной жизнью.

---

<sup>4</sup> Это касается, впрочем, не только молодых поколений. В целом в 2013–2018 гг. продажи антидепрессантов в России в рублевом выражении увеличились почти в 2 раза, а в натуральном выражении – на треть. В 2018–2020 гг. рынок антидепрессантов прибавил в рублях еще 60 %, достигнув уровня 5,8 млрд руб. По оценкам экспертов, в России депрессия выявляется более чем у 5 % населения, причем три четверти людей с депрессивными состояниями не получают необходимую помощь. В итоге депрессия грозит выйти на первое место среди болезней по числу дней нетрудоспособности [Дубравицкая, Звездина, 2019; Рувинский, 2017; Догужева, 2021]. Добавим, что число людей, страдающих депрессией, в последнее время растет во всем мире. И пандемия несомненно внесла вклад в этот рост.

Конечно, перечисленные выше характеристики касаются и старших поколений, мы все в той или иной мере этому подвержены. Но молодые поколения вовлечены все же в большей степени.

## **Прогрессирующий индивидуализм**

У миллениалов проявились и другие важные особенности. Взрослея в новой постсоветской среде, они свободнее от коллективистских идеологий и более индивидуалистичны. В целом миллениалы чувствуют себя более свободными и независимыми по сравнению со старшими поколениями, которые дисциплинировались более строгими советскими порядками. У нового поколения сформировалась встроенная способность отстаивать свои права, которая отсутствовала в столь выраженном и органичном виде у старших. Речь вовсе не обязательно идет о притязаниях политического свойства. Это в большей мере ощущение изначального права на личный суверенитет и сохранение зоны личного комфорта. И эти притязания легко переводятся в моральную плоскость с настойчивыми призывами к соблюдению справедливого порядка, а при определенных условиях могут политизироваться, когда текущие бытовые или учебные вопросы начинают трактоваться в терминах нарушения и защиты чьих-либо прав. Причем новые социальные медиа позволяют им быстро формировать интенсивные протестные волны. Сила нового поколения «не в традиционных политических действиях, а в умении быстро распространять информацию о какой-либо проблеме» [Твенге, 2019, с. 368].



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.